

HISTORY OF THE EAST National History ИСТОРИЯ ВОСТОКА Отечественная история

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-456-476>

Исторические науки

Адмирал Н. С. Мордвинов и Кавказ

Вадим Михайлович Муханов

*Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова
РАН, Москва, Россия,*

vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды авторитетного российского государственного и военного деятеля — адмирала Н. С. Мордвинова на способы покорения Северного Кавказа и колонизации Закавказья, его участие в обсуждении известной записки А. П. Ермолова 1816 г., а также все записки и мнения самого адмирала по кавказской тематике. Выявлены и попытки реализации отдельных предложений Мордвинова как на Кавказе, так и в Средней Азии. Самостоятельным разделом выделена непростая история взаимоотношений семьи Мордвиновых с Н. Н. Муравьевым, будущим российским наместником на Кавказе, тогда еще молодым офицером, пожелавшим жениться на дочери адмирала Наталье. Прослеживается вся история любви к ней офицера и итоговый отказ семьи от замужества девушки, который принес глубокую обиду Муравьеву. Именно этот жесткий отказ адмирала Мордвинова в 1816 г. и подтолкнул Муравьева к судьбоносному отъезду на Кавказ в составе российского посольства в Персию во главе с Ермоловым и решению о длительной службе на самом Кавказе в составе Отдельного Кавказского корпуса. Кроме того, прослеживается взаимосвязь между предложением Мордвинова о налаживании торговли с Востоком через Каспийское побережье и среднеазиатские ханства — Хиву и Бухару — и отправкой Ермоловым в указанном направлении двух разведывательных экспедиций Н. Н. Муравьева. Именно благодаря им начался взлет его карьеры, приведший его к середине XIX века на пост наместника на Кавказе и принесший славу победителя турок с приставкой «Карский».

Ключевые слова: Мордвинов, Ермолов, Россия, Кавказ, Восток, Муравьев, Хива

Для цитирования: Муханов В. М. Адмирал Н. С. Мордвинов и Кавказ. *Ориенталистика*. 2023;6(3-4):456–476. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-456-476>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Admiral N. S. Mordvinov and the Caucasus

Vadim M. Mukhanov

*Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences
named after E. M. Primakov, Moscow, Russia.*

vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>

Abstract. The article discusses the views of the authoritative Russian statesman and military figure, Admiral N. S. Mordvinov on the methods of conquering the North Caucasus and colonizing the Transcaucasus, his participation in the discussion of the well-known note by A. P. Yermolov in 1816, as well as all the notes and opinions of the admiral himself on the Caucasian theme. Attempts to implement some of Mordvinov's proposals both in the Caucasus and in Central Asia were also identified. The complicated history of the relationship between the Mordvinov family and N. N. Muravyov, the future Russian viceroy in the Caucasus, then still a young officer, who wished to marry the admiral's daughter Natalya. The whole story of the officer's love for her and the final refusal of the family to marry the girl, which brought a deep offense to Muravyov, are traced. It was this harsh refusal of Admiral Mordvinov in 1816 that prompted Muravyov to a fateful departure to the Caucasus as part of the Russian embassy to Persia, headed by Yermolov, and the decision to serve in the Caucasus itself as part of the Caucasian Corps. In addition, there is a relationship between Mordvinov's proposal to establish trade with the East through the Caspian coast and the Central Asian khanates — Khiva and Bukhara — and Yermolov sending two reconnaissance expeditions N. N. Muraviev. It was thanks to them that his career began to take off, which led by the middle of the 19th century to the post of viceroy in the Caucasus and the winner of the Turks with the prefix “Karsky”.

Keywords: Mordvinov, Yermolov, Russia, Caucasus, East, Muravyov, Khiva

For citation: Mukhanov V. M. Admiral N. S. Mordvinov and the Caucasus *Orientalistica*. 2023;6(3-4):456–476. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-3-4-456-476> (in Russian).

Введение

Адмирал Н. С. Мордвинов — яркая фигура двух веков, как блистательной екатерининской эпохи второй половины XVIII столетия, так и первой половины XIX века. Он имел непререкаемый авторитет и большое влияние в царствование двух венценосных братьев — Александра I и Николая I. Мордвинов, никогда не служивший на Кавказе, тем не менее внес свою лепту в российскую политику в регионе, став одним из первых крупных государственных деятелей, приславших свое мнение по поводу покорения северокавказских горцев и способов обустройства Закавказья (приняв самое активное участие в обсуждении записки А. П. Ермолова).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Николаю Семёновичу Мордвинову была предопределена морская служба, так как он родился в 1754 г. в семье адмирала Семёна Ивановича Мордвинова, писателя-мариниста. Судьбоносным моментом для него стала милость к его семье императрицы Екатерины II, в результате чего он в 10-летнем возрасте был взят во дворец, став другом и соучастником детских забав наследника престола великого князя Павла Петровича (будущего Павла I) [Иконников, 1873, с. 3; Тимофеев, 2012, с. 100]. Зародившиеся в ходе совместного обучения и времяпрепровождения дружеские отношения помогли ему в дальнейшей карьере.

В 1768 г. (в 12 лет) Николай Мордвинов поступил на морскую службу. Прослужив первые годы на Балтике, в начале 1770-х гг. он был назначен адъютантом к контр-адмиралу Чарльзу Ноульсу, которого отправили на Дунай для ревизии и оценки захваченных у противника судов. Завоеванная в эти годы репутация старательного и активного офицера позволила ему отобраться из числа молодых моряков на длительную стажировку на английский флот («для усовершенствования в морском искусстве»). Целых три года (с 1774 по 1777 г.) Николай Мордвинов проплавал в качестве волонтера на различных английских судах, как военных, так и гражданских [Иконников, 1873, с. 4]. За столь долгое пребывание в Великобритании он проникся симпатией к стране, ее традициям и культуре, став последовательным англоманом (увлекся и идеями Адама Смита) [Тимофеев, 2012, с. 101]. Показательно, что через несколько лет после поездки в Англию он породнился с английской семьей, вступив в 1783 г. в брак с Генриеттой Коблей (дочерью английского консула в Ливорно) [Иконников, 1873, с. 5].

После возвращения на родину карьера молодого офицера резко пошла вверх: в 1781 г. — капитан 2-го ранга, а в 1783 г. за отличия в ходе плавания в составе эскадры вице-адмирала В. Я. Чичагова получил и чин капитана 1-го ранга (плюс, стал получать под свое командование крупные корабли военноморского флота). В 1786 г. в результате активного участия в строительстве и формировании Черноморского флота Мордвинов стал главой Черноморского адмиралтейского правления [Тимофеев, 2012, с. 101]. На этом посту он встретил начало русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Однако конфликт с всесильным тогда фаворитом Екатерины II князем Г. А. Потемкиным-Таврическим быстро привел Мордвинова к увольнению со службы в 1788 г. Вернулся он на службу после смерти фаворита императрицы и в 1792 г. вновь был назначен председателем Черноморского адмиралтейского правления и командующим Черноморским флотом и портами [Тимофеев, 2012, с. 101].

Чин адмирала в 1797 г. дал ему уже новый император — Павел I, сделав его, кроме того, своим ближайшим советником по морским делам (формальный пост — вице-президент Адмиралтейств-коллегии). Однако конфликт с другим известным флотоводцем, адмиралом Осипом де Рибасом, который курировал строительство Одессы, привел к новой отставке Мордвинова в 1799 г.

Очередной приход на службу произошел уже в ходе массового возвращения из ссылки всех опальных придворных при воцарении Александра I. Мордвинов вновь занял вышеуказанный пост в Адмиралтейств-коллегии, а вскоре насту-

пил и его звездный час. Не пригодившись в морском ведомстве, он вошел в команду главного реформатора той эпохи — М. М. Сперанского. Мордвинов сконцентрировался на финансовых и экономических вопросах, став главой Департамента государственной экономии Государственного совета. После опалы Сперанского Мордвинов в очередной раз вышел в отставку. Свободное время он стал посвящать длительным поездкам за границу, где принялся специально изучать вопросы финансового и гражданского права.

Еще раз вернувшись в Государственный совет, он стал председателем Департамента гражданских и духовных дел, членом Финансового комитета и Комитета министров. А в 1823 г. его избрали еще и председателем Вольного экономического общества. Заслуженный конец карьеры пришелся уже на николаевское царствование: в 1834 г. Мордвинов получает графский титул, а в 1838 г. окончательно уходит в отставку [Тимофеев, 2012, с. 100, 101].

Парадокс Мордвина заключаются в том, что за всю жизнь, числившись по морскому ведомству, он так и не стал выдающимся флотоводцем, практически не водил флотилии и эскадры, не одержал ни одной морской победы, но стал крупным и авторитетным государственным деятелем, пользовавшимся большим уважением в русском обществе в XIX столетии. Его биограф В. С. Иконников считал, что «по своим проектам, планам и желаниям он смело может быть назван провозвестником благих реформ настоящего царствования, в широком смысле этого слова» [Иконников, 1873, с. V]. Николай Семенович знал шесть языков и прекрасно разбирался в политической экономии, был последовательным сторонником экономического развития Российской империи. Мордвинов играл заметную роль в работе Государственного совета в эпоху Александра I, поэтому и стал фактическим оппонентом Ермолова в 1816 г.

Особое мнение адмирала

Первый документ по поводу российской политики на Кавказе был подан Мордвиновым в Государственный совет в 1816 г. Он так и назывался «Мнение адмирала Мордвина о порядке управления Кавказскими народами для покорения и без применения оружия» (1816 г.). Он был известен также как доклад «Покорение кавказских жителей» и представлял собой своеобразный ответ на записку генерал-лейтенанта А. П. Ермолова, заслушанную на заседании Комитета министров 16 июня (Записка главноуправляющего в Грузии А. П. Ермолова «о разных недостатках, до вверенного ему управления Грузией и губерниями Астраханскою и Кавказскою относящихся») [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 148]. Таким образом, на высшем уровне была организована первая дискуссия о методах и способах покорения Кавказа в XIX столетии, и адмирал Мордвинов фактически стал одним из ее инициаторов.

Обсуждение получило свое логическое продолжение, так как Комитет министров посчитал важным «поднести журнал сей и мнение адмирала Мордвина на Высочайшее разрешение, дабы сообразно оному приступить можно было Комитету к составлению инструкции генерал-лейтенанту Ермолову» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 148]. Журнал был подпи-

сан всеми присутствующими на заседании членами Комитета, причем граф А. А. Аракчеев и граф А. К. Разумовский оставили и пометки, что согласны с мнением Мордвинова. Граф В. П. Кочубей, более того, составил особое письмо, где подчеркнул: «...В мнении адмирала Мордвинова нахожу я правильные основания, ибо сомнения никакого нет, что моральное действие над полудикими азиатскими народами может иметь сильное влияние и на политические наши с ними сношения. Благоразумие местного начальства и правильное направление со стороны высшего правительства важную в сем случае могут произвести перемену» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 148].

Император Александр I ознакомился с мнением сановника 30 июня, а уже 20 июля последовал Высочайший указ Комитету министров, где, в частности, говорилось: «Находя полезными правила в мнении, поданном в Комитет адмиралом Мордвиновым, предписываю сообщить оное генерал-лейтенанту Ермолову для рассмотрения и соображения на месте» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 149].

Это главная записка авторитетного адмирала по кавказской проблеме, и именно там сконцентрированы все его основные предложения и идеи. Об этом говорит даже само название (полное название бумаги зафиксировано в многотомном собрании «Архив графов Мордвиновых»): «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 148]. Предлагая отказаться от однообразного силового давления на горцев, Мордвинов отмечал, что «народы кавказские, огражденные твердо быстрыми потоками вод, утесами гор, ущельями неприступными, лесами непроходимыми, долинами от нападения безопасными, останутся навсегда и вечно в независимости, доколе сохранят свои нравы, обычаи... Таковых народов оружием покорить невозможно... Число войск, великие воинские снаряды и превосходство в военном искусстве не оградят с безопасностью от временных их нападений. Часто будут они удачны, всегда будут вредны соседственным мирным селениям. Необходимость потребует содержать великое число войск, истощать великие сокровища денег, иметь повсюду воинские отряды, испытывать в людях великий ущерб от беспрестанного бдения, от трудных переходов, от недостаточеств различных, от всего, что здравую человеческому вредно — от зноя солнца, от ветра, от дождя, от испарений влажной земли. И все таковые усилия едва доставят спокойствие ограждаемым воинскою стражею селениям» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 149].

В связи с вышеизложенным, а также тем важным обстоятельством, что Кавказ стоит на пути в Персию и далее в Индию, Мордвинов выступал за всестороннее развитие торгово-экономических отношений как с кавказскими народностями, так и с более дальними соседями. Понятно, что проблема покорения кавказских горцев становилась крайне насущной и, по мнению адмирала, входила в общий комплекс обустройства России на Востоке, а одновременно и укрепления ее экономических позиций в регионе. В приоритете должна быть именно регулярная торговля, которая станет локомотивом широкого хозяйственно-экономического освоения Кавказского края. Он подчеркивал, что необходимо сосредоточить усилия именно на восточном направлении

развития: «Европа устарела и требует мало от избытков наших; Азия юная, необразованная, теснее может соединиться с Россией, и все, что изящное в превосходстве просвещения и труда заключается, послужит к увеличению могущества России над сею пространнейшею и важнейшею частью света. Нашему рукоделию, промышленности и торговле предлежат более богатые истоки на юг, нежели на север. Каспийское и Черное моря прилежат к плодороднейшим пределам России, согреваемым теплейшими лучами солнца, и по селам и градам долговременнее и успешнее в году могущим заниматься работами» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 150].

Мордвинов ратовал за реализацию мер социально-экономического характера, которые должны принести серьезные положительные результаты, в отличие от прямого силового давления. Он предлагал всеми доступными способами создать зависимость местного населения от России и поддерживать ее. По его словам, «должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими обычаями, нашими наслаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий». И именно материальная зависимость горцев от России и принесет искомый результат — реальное покорение региона и его успокоение. Мордвинов считал, «тогда не токмо содружимся мы с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 150]. По его мнению, вовлечение местного населения в общую хозяйственную деятельность, в постоянные торговые сношения и регулярный обмен позволит обезопасить единый торговый путь на Восток, сделать единым целым торговлю с азиатскими странами.

Для сближения необходимо на регулярной основе заниматься удовлетворением их приоритетных нужд — «в соли и железе». Поэтому для оперативного решения этой задачи Мордвинов считал крайне важным «всю соль, заготавливаемую от казны по границе Кавказской, предоставить... в полное и неограниченное распоряжение главнокомандующего» (плюс к этому, «снабдить его соответственным количеством и железа, потребного для всякого рода надобностей горских жителей») [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 150–151]. Последнему также дать право назначения цен на соль, выдачи ее в виде подарков от казны, в виде временной ссуды, для того или иного обмена с горцами (пусть даже и не выгодного для российской стороны). Главное, что «сим способом главнокомандующий возмoжет сделаться благотворителем жителей горных и положит укоренение владычества России над сими народами» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 151].

Адмирал предлагал также воспользоваться сложившейся традицией гостеприимства, которую «азиатские народы первейшею добродетелью называют», и «привязать к себе оной всех народоначальников, чиновников и старшин семейств». Для этого Н. С. Мордвинов считал необходимым обя-

зательное наличие в домах как главнокомандующего, так и чиновников русской администрации особых гостевых комнат, которые должны быть устроены и снабжены всем, «что для горского жителя может быть приятным, покойным и увеселительным». Помимо самих комнат, необходимо было предусмотреть наличие подарков, которые бы выдавались гостям в случае их визита¹. На эти цели (т. е. постоянное содержание «таковых гостиниц и размножения оных при всех чиновниках» и приобретение подарков) предлагалось ежегодно выделять главнокомандующему по 100 тыс. руб.

Использование устоявшейся на Кавказе традиции гостеприимства, почитаемой в горской среде, он считал одной из важных мер. Главным инструментарием для ее реализации и назывались адмиралом особые гостевые комнаты для приема местных жителей. Необходимым дополнением к этому являлся правильный подбор подарков, которые и дарились горцам для сближения и установления долговременных добрососедских и доверительных отношений. Для чего, по мысли Мордвинова, нужно создать безотказный повод — учредить праздники, что позволит привлекать туда горцев разными увеселениями, а главное, приглашать нужных людей [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 151].

Следующий логичный шаг (кстати, хрестоматийный в рамках реализации политики «мягкой силы») — заведение школ для воспитания и образования детей местной элиты — князей и старшин [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 151–152]. Мордвинов справедливо высоко оценивал роль образования в деле умиротворения и присоединения Кавказского региона.

Из лояльных и пророссийских представителей местной элиты предлагал создать особую воинскую единицу или военную часть (в столице империи!), т. е. элитное подразделение, вроде «гвардейского кавказского отряда» (с необременительными условиями служения, на 4-летний срок) — для создания дополнительного интереса и определенной конкуренции среди горцев (чему будет способствовать элитарный статус отряда, близкого к фигуре императора). По его мысли, эта мера позволит формировать лояльную и пророссийски настроенную элиту в горах из отслуживших в подобном полку. Фактически Мордвинов предложил прообраз Кавказского эскадрона, который позднее стал частью Собственного Его Императорского Величества конвоя. Напомним, что подобное подразделение было создано и отлично себя зарекомендовало в царствование Николая I (непосредственным инициатором создания и его куратором стал граф А. Х. Бенкендорф).

Мордвинов был уверен, что активное применение подобных шагов приведет к налаживанию регулярных торгово-экономических отношений, что, в свою очередь, приведет к определенной зависимости и формированию стойкой пророссийской ориентации горских жителей. Следовательно, можно ожидать падения влияния и авторитета турецкого султана и рост влияния России в регионе, одновременно увеличится безопасность российских границ

¹ Н. С. Мордвинов особо подчеркивал, что «подарки должны быть того рода, кои приучить их могут более к нашим обычаям и к новым нуждам, дабы таковые подарки, размножаясь употреблением внутри их земли, приучили их к покупке таковых же впрямь» [*Архив графов Мордвиновых*. Т. 5, 1902, с. 151].

и снизятся расходы на содержание войск (упор именно на развитие торгово-экономической сферы) [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 152]. По оценке современного историка В. В. Лапина, Мордвинов «предлагал вполне реальные меры сближения с горцами» [Лапин, 2011, с. 322].

Адмирал Мордвинов последовательно отстаивал курс на всестороннее расширения торговли, что позволит усилить позиции России как на Кавказе, так и в целом на Востоке. Он считал важным обратить внимание и всячески развивать торговлю с Азией (через Бухару). Первый необходимый и давно напрашивавшийся шаг — это создание сильной колонии на Каспийском море (точнее говоря, в Красноводском заливе). «Занятие сего места в видах военных и торговых представляется важнейшим на Каспийском море», — подчеркивал адмирал. Отсюда, по его мысли, и пойдет торговля с Бухарой, Персией, Хивой и туркменами, а главное, будет зафиксирован выход через Бухару в Индию [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 152–153]. Он настаивал на этом, как на базисе владычества на этом направлении, считая, что подобная колония станет форпостом влияния и могущества России на всем Востоке (т. е. активной торговлей доказывать миролюбие российской политики, поддерживая доверие у окружающих народов).

Помимо вышеперечисленных мер, он предлагал использовать и более радикальное, но результативное средство достижения лояльности горцев — переселение с гор в степи, которые легче контролируются и более плодородны, чем скудные горные склоны [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 153–154]. Главным результатом этого процесса он называл резкий рост подданных и создание четкого контроля над ними (за всеми переселенцами из горных районов). Мордвинов считал это средство действенным в процессе покорения Северного Кавказа и приручения его жителей. Однако он неоднократно повторял, что переселение должно базироваться на справедливом управлении и торговле с местным населением. В процессе переселения он предлагал умножать число русских поселений на границе за счет «обращения в состав населения женатых солдат» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 5, 1902, с. 155].

Многие предложения Мордвинова явно не новы и взяты из екатерининской эпохи. Но, в целом, он обозначил некое цельное направление деятельности на Кавказе, зафиксировав комплекс шагов и действий, которые были приняты российскими властями в регионе и позднее реализованы на практике. Мордвинов во многом рисовал системные меры в рамках политики «мягкой силы». Также признаем, что многие его предложения (зависимость от соли и железа, создание военных частей из горцев, регулярная торговля и обмен с местным населением, формат переселений и решение земельного вопроса) в той или иной степени сыграли свою роль в ходе реализации российской политики в Кавказском регионе, став основополагающими для последующих поколений военных и государственных деятелей империи.

Не забывая о Кавказе

Мордвинов также поучаствовал в обсуждении записки сенатора Е. И. Мечникова, посланного на Кавказ в 1826 г. для ревизии. Записка Мечникова «Полезность Закавказского края для России» (полное название —

«Дополнение к проекту о преобразовании Закавказского края, содержащее особые меры, необходимые, чтобы сделать край сей полезным для России») отложилась в архиве Мордвинова [*Архив графов Мордвиновых*, т. 10, 1903, с. 321–340], так как последний пожелал иметь один из ее печатных экземпляров, и сенатор прислал его вместе с отдельным письмом к адмиралу. Особой реакции последнего на нее и его ответного мнения не обнаружено.

В середине 1830-х гг. он написал еще три небольшие записки, посвященные кавказской проблематике (все они вошли в т. 9 архива) [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 108–112]: «Способы к удержанию лезгинцев и прочих кавказских народов от нападения на Грузию»; дополнение / продолжение «мнения об удобнейшем способе покорения закавказских жителей» (1834); мини-записка «Вернейший способ к удержанию горных жителей Кавказа от нападений против границ России».

Показательно, что все три записки имели отсылку к первому «мнению» адмирала Мордвинова, о котором упоминалось выше. В них он прямо писал, что для достижения успеха необходимо «привести в исполнение мои предположения, изложенные в мнении моем, данном в руководство генералу Ермолову» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 109].

Наибольший интерес вызывает первая из трех бумаг Мордвинова — «Способы к удержанию лезгинцев и прочих кавказских народов от нападения на Грузию». Многие из предложенных там мер входят в число классических шагов при колонизации. Мордвинов все силы предлагал направить на развитие торговли, частной инициативы и предпринимательства, в том числе — с привлечением местного населения. Фактически развивал те же мысли и идеи, которые он изложил почти 20 лет назад в ходе обсуждения записки Ермолова 1816 г. Ключевые предложения Мордвинова, зафиксированные в этой записке таковы: «обратить всю Грузию в порто-франко, дабы скорее населилась и устроилась всякого рода заведениями»; построить торговую дорогу, связывающую весь Кавказ (от моря до моря), и порт на Черном моря; связать последний с Крымом, сделав регулярное пароходство (на полуострове отправной точкой сделать Одессу) [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 108–109]. Для создания подобной связки Мордвинов предлагал конкретную военно-политическую меру, выбивавшуюся из остальных, но фактически базисную — взять под полный контроль весь абхазский и грузинский берег Черного моря, т. е. все побережье как крайне важное.

Особо подчеркивал, что нельзя ограничиваться только Кавказом и сразу развивать торговлю с Востоком, связав в единую торговую сеть Кавказ и Среднюю Азию. Для чего считал важным скорейшее сооружение постоянного порта на восточном берегу Каспийского моря, что и позволит связать воедино два региона. Еще одним необходимым шагом в этом направлении называл овладение Хивой и превращение ее в главное место для торговли с Востоком, для чего придется соединять течение Амударьи с Каспийским морем [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 109].

Отдельным блоком шли меры, направленные на поддержание безопасности региона: усиление военного поселения вдоль Кавказской линии; формирование двух полков из местных уроженцев (лезгинцев) («дабы их удалцам

дать воинское упражнение и приучить их к нашим обычаям и вкусам») [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 109].

Не забыл он и о мерах колонизационного характера, развитии торговли, частной инициативы и сельского хозяйства. В частности, Мордвинов выступал за осушение болот, требовал, чтобы правительство обратило внимание «на разведение в Грузии хлопчатой бумаги, шелку, индиго, кошенили, сахарного тростника, кофе, чаю, перца, пробочного дерева, красильных деревьев и кореньев, красного дерева, буку, сухого пшена сарацинского; сушение фруктов, изюму, коринки, черносливу; выделение десертных вин» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 9, 1903, с. 109].

В последней маленькой записке (из трех вышеперечисленных) он в очередной раз настаивал на строительстве дороги или даже железной дороги через Кавказские горы для расширения торговли и обогащения вовлеченных в нее местных жителей, что в результате и приведет к успокоению общей ситуации в регионе.

Мордвинов, по сути, высказывался в русле прочих мнений той эпохи. Он, как и многие другие, выступал за скорейшее и продуктивное освоение Кавказа, встраивание его в общую торговую систему с Россией во главе. Считал, что жизненно важным для российской политики в регионе будет налаживание крепких доверительных отношений с местным населением и его вовлечение в общую торгово-экономическую сеть. Поэтому Мордвинов настаивал на формировании определенной зависимости местного населения от контактов с российскими властями (соль и железо) и ее постепенном наращивании за счет подключения горцев к формату российской жизни (т. е. высказывался за постепенную интеграцию). Кроме того, адмирал считал, что необходимо сделать максимально привлекательным образ России для того, чтобы усилить пророссийскую ориентацию горцев (сюда можно отнести и проведение праздников, и политику ласкательства местных жителей, и создание специального воинского соединения из выходцев Кавказа).

Важно отметить, что именно инициатива Мордвинова фактически создала основу для первого публичного обсуждения кавказской проблематики в высших эшелонах власти. До этого подобные предложения и планы носили односторонний характер: в основном исходили из Кавказа (с Кавказской линии), когда главноуправляющий или командующий, приехав на новое место своей службы, были вынуждены слать в Петербург депеши с соображениями по поводу программы своих действий или шагов, исходя из текущей ситуации.

Также показательно, что Н. С. Мордвинов соотносился с предложениями того времени (см. записки и мнения П. Д. Цицианова, И. В. Гудовича, А. П. Торماسова), которые пришли с Кавказа в начале века (в частности, инициативы по налаживанию регулярной торговли с горцами за счет создания сети меновых дворов, продажи или обмена соли, столь востребованной в горах и т. п.) [*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*, т. 2, 1868, с. 952–954, 958–960; т. 3, 1869, с. 625–626, 645–646, 674–675; т. 4, 1870, с. 828–830, 928–929]. На это обстоятельство обращает внимание современный историк В. В. Лапин, который считает, что «хотя это сочинение датировано 1816 годом, его можно считать современным периоду управления Цицианова.

Подавляющее большинство пунктов плана Мордвинова вполне годилось для составления долгосрочных программ переустройства Кавказа» [Лапин, 2011, с. 323]. Фактически Мордвинов суммировал многие идеи и предложения предшественников А. П. Ермолова, выступив его объединенным оппонентом. Подчеркнем, что подобные меры в свое время предлагали и Цицианов, и Гудович, и Торماسов.

Таким образом, в 1816 г. впервые в ответ на записку нового командующего (т. е. первого лица российской администрации в регионе) последовала быстрая и конкретная реакция в столице, что и позволило начать обсуждение. Важно и то обстоятельство, что именно на записку адмирала Мордвинова стали активно ссылаться руководители российской администрации на Кавказе, в первую очередь, сам Ермолов. И в дальнейшем многие предложения, поступавшие в Петербург из Тифлиса, опирались на записку и предложения Мордвинова в силу его авторитета и статуса.

Архив графов Мордвиновых консолидирует много интересных документов и записок адмирала, а также целый ряд совершенных им действий в различных сообществах и местах. Это позволяет даже понять, когда адмирал последний раз соприкасался с «проконсулом Кавказа». В частности, в одном из томов архива присутствует письмо секретаря Российской академии П. И. Соколова с извещением о том, что 23 января 1832 г. на заседании происходил «выбор из почетных в действительные члены академии господина генерала-от-инфантерии Алексея Петровича Ермолова» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 7, 1903, с. 376]. На заседании не было кворума и присутствовало только 13 членов, поэтому Соколов как секретарь вынужден был рассылать письма для уточнения позиции ряда членов академии. Он просит у Н. С. Мордвинова ответа на этот запрос — «в особой запечатанной записке вашего избирательного или неизбирательного голоса для представления собранию академии» [*Архив графов Мордвиновых*, т. 7, 1903, с. 377]. Мордвинов без всяких оговорок поддержал включение в состав действующих членов академии прославленного генерала.

Н. С. Мордвинов и Н. Н. Муравьев: судьбоносный отказ

Принципиальность адмирала Мордвинова видна из текстов многих его записок и в целом ряде предпринятых им шагов. Однако, помимо идей и предложений, он своей бескомпромиссной и даже жесткой позицией способствовал, или — точнее сказать — подыграл, российской политике на Кавказе.

В младшую дочь адмирала — Наталью — был с юношеских лет влюблен Николай Муравьев, который долгое время скрывал свои чувства. Историю любви к Наталье Николаевне Мордвиновой он зафиксировал в своих мемуарных записках, которые вел с 1811 г. Именно тогда он признается, что «уже четыре года... влюблен» (т. е. с 1807 г.) [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1885, вып. 9, с. 5].

Николай Муравьев как раз на страницах своих записок достаточно откровенно рассказывает об истории своей первой любви — к дочери адмирала: «Обращаюсь к событиям старого времени, когда бывший начальник Черноморского флота, в третьем колене матушке родственник, адмирал Мордвинов в 1807 г. приехал с своим семейством из Крыма в Москву.

В то время, по случаю войны с Францией, формировалось земское войско, и Мордвинов был избран в начальники ополчения Московской губернии. Батюшка, отставной подполковник, был назначен к нему старшим адъютантом. Как адмирал немного разумел в военном управлении, то всем делом у него распоряжался мой отец. На лето адмирал поместился с семейством и своею главною квартирою в селе Волнителе или Полуектове, принадлежащем князю Барятинскому и находящемся в 20 верстах от села Александровского князя Урусова, где мы жили. Мы ездили тогда к адмиралу, и он бывал у нас в деревне. 14-го Июля, в день моего рождения, он приехал к нам с семейством, и мне понравилась меньшая дочь его, Наталья Николаевна, мне ровесница. Мне тогда был 14 год; я тосковал, но ни смел никому поверить своей тоски, ходил по ночам в саду один и писал имя ее на деревьях... Зиму мы проводили в Москве, и каждое Воскресенье нас возили танцевать к Николаю Семеновичу, где страсть моя усиливалась, что было замечено братьями, которые стали смеяться надо мною; я краснел, скрывался, но не смел возражать им, дабы не увеличить подозрения. В 1810 году Николай Семенович уехал в Петербург с семейством; в 1811 году я определился в службу и опять увидел Наталию Николаевну. Я был очень робок, и каждое слово мое более и более обнаруживало мои думы. Старики заметили сие, заметила и она; но трудно было узнать ее тогдашнее расположение; однакоже мне казалось, что она была не совсем равнодушна» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1885, вып. 9, с. 21–22].

Далее последовала эпоха Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, в которых участвовали три брата Муравьевых. В 1814 г. Муравьев вернулся в столицу и первым делом выяснил, в городе ли адмирал с семейством, и узнал, что он приехал в Петербург из Пензы днем раньше. «Я поспешил к нему и увидел прелестную дочь его, которая меня так сильно занимала и которой я давно не видал. Я нашел ее еще лучше прежнего и еще более прежнего полюбил ее; но, по застенчивому нраву моему и кратковременному пребыванию в Петербурге, я не нашел случая объяснить ей мою страсть и намерение. Мне казалось, что она была равнодушна ко мне, и я не ошибался; но по скромности я не мог в том убедиться», — писал влюбленный Николай Муравьев [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 127].

Муравьеву предложили отправиться в Варшаву в сентябре 1814 г. в свите великого князя Константина Павловича. Доверенное лицо последнего генерал-майор Д. Д. Курута лично уговаривал молодого офицера не отказываться, рисуя ему заманчивые перспективы. Муравьев впоследствии вспоминал об этом разговоре и о своем отказе, объясняя его твердым намерением жениться тогда на Н. Н. Мордвиновой. Он боялся, что длительный отъезд из столицы все испортит, поэтому и вынужден был отказаться от заманчивого предложения, отлично понимая перспективы карьерного роста в случае нахождения при Константине Павловиче [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 128–129].

Оставшись в Петербурге и перейдя в Гвардейский Генеральный штаб, Муравьев «переехал на казенную квартиру в Кушелева дом и вел умеренную жизнь; ездил довольно часто к адмиралу, коего вторая дочь Вера была уже выдана замуж за Столыпина, Аркадия Алексеевича». Он уже хотел делать предложение, но боялся своей финансовой несостоятельности и отсутствия

влиятельной поддержки. В своих записках будущий наместник Кавказа признавался: «...По природной застенчивости моей, я не объяснился с Натальей Николаевною, да и не мог ни к чему приступить, не зная еще что мне отец даст и не имея никого из близких в Петербурге, чтобы помочь мне в предстоявшем деле» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 130].

В 1815 г. молодой офицер решает сделать предложение и заговорить о женитьбе, однако ему нужна была материальная поддержка семьи, так как он находился без всяких свободных средств (хотел переговорить с отцом и узнать, сколько последний сможет ему выделить для женитьбы). Для этого он даже специально ездил в Москву, чтобы повидаться с отцом и разрешить этот вопрос [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 132]. После возвращения из Москвы молодой Муравьев при помощи родственников сделал первое предложение: «Я просил батюшку написать к адмиралу письмо, что он сделал, а дядю Мордвинова просил изустно объявить адмиралу мои намерения. Адмирал не отвечал на письмо моего дяди, а обещался приехать к нему в назначенное время и объяснить ему свои мысли по сему предмету. При свидании с дядей он сказал, что ему весьма приятно было бы видеть дочь свою в супружестве со мною, но для сего надобно бы еще несколько подождать, ибо мы оба были еще очень молоды; впрочем он просил меня чаще к нему в дом ездить, дабы я мог короче с его дочерью познакомиться и дабы он сам мог бы меня короче узнать. Отцу моему он отвечал письмом» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 134].

Далее наступил поход русской армии, в котором участвовала и гвардия, по случаю возвращения на материк Наполеона, бежавшего с острова Эльба. Молодой офицер уехал, полный надежд и радужных мечтаний. Адмирал Мордвинов и его супруга всячески демонстрировали ему свое внимание и доброжелательное отношение. Сам Муравьев писал в своих записках: «Ответ адмирала и жены обнадеживали меня в успехе. Я почти каждый день бывал у них, и они принимали меня ласково и давали мне книги для чтения и образования моего. Причудливо казалось мне видимое намерение их; но я повиновался им с удовольствием, ибо видел доброе расположение и оказываемое мне доверие. Дочь их знала о сделанном мною предложении и краснела всякий раз, как я к ней подходил; старшие же ее сестры улыбались и тем увеличивали ее замешательство. Жена адмирала, Генриетта Александровна, несколько раз поручала Корсакову сказать мне, чтобы я себя берег в предстоявшем походе и что если я возвращусь тем же чином, то сие не послужит препятствием к достижению моей цели» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 134].

Однако возвращение в столицу после недолгого похода принесло Муравьеву жуткое разочарование и разбило его надежды на близкое семейное счастье. То ли адмиралу не понравилась настойчивость (и прямолинейность) молодого офицера, то ли он просто не хотел незнатного и небогатого зятя, но при повторном обращении дяди Муравьева был получен решительный отказ на предложение о супружестве. Н. Муравьев с горечью описывает это время в своих записках: «Дядя мой Н. М. Мордвинов был у адмирала и говорил с ним, после чего стал от меня уклоняться. Я вскоре увидел, что ожидаемый ответ будет заключаться в отказе и просил дядю быть со мною искренним. Он, наконец, признался мне, что уже несколько дней тому назад говорил с адмиралом,

который дал ему следующий ответ: “Дочь моя чувствует дружбу и уважение к вашему племяннику, я спрашивал ее на сей счет; но как Николай Николаевич не хотел ждать, а хочет ответа решительного, то объявите ему, что мы ему отказываем в супружестве с Наташей и просим его, чтобы он удалился из Петербурга, потому что обстоятельство это разгласилось по городу и могло бы повредить нашей дочери”» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 142]. Молодой офицер был полностью раздавлен. «Я был в отчаянии. Можно ли было ожидать такого ответа от людей, которых я привык уважать?» — вопрошал он [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 142].

В начале 1816 г. Муравьев даже попытался уйти в отставку и приходил на беседу к генералу Н. М. Сипягину и полковнику А. И. Нейдгардту. Калейдоскоп мыслей у убитого горем Муравьева был огромен, о чем он предельно откровенно рассказал в своих записках: «В крайнем волнении находились тогда мои мысли; я терял все очарования будущности, коими питались мои надежды, и мрачные думы их заменили. Мне приходило на мысль застрелиться. Мне хотелось исчезнуть, удалиться навсегда из отечества. Я думал скрыться в Америке... Затем мои мысли приняли иной оборот: я стал искать поединка с кем-нибудь, но домогательства мои к тому в течение двух дней не удались; я одумался...» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 143]. В итоге он склонился к мысли покинуть столицу и уехать. Первая попытка вырваться из привычной среды не удалась: он попросился в Варшаву, к великому князю Константину Павловичу, однако свободных мест не было [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 143]. И тут «выскочил счастливый случай». Муравьев именно так и выразился в своих записках. «Получив отказ, я уже не знал, куда мне деваться, как стали говорить о готовящемся посольстве в Персию. Мне очень хотелось попасть в оное, но не хотелось проситься, и потому я ожидал, не падет ли на меня жребий. Скоро стала носиться молва, что князь меня назначает в число офицеров квартирмейстерской части, едущих с посольством в Персию. Слух этот подтверждался, и наконец князь Волконский объявил мне, чтобы я готовился ехать. Я с благодарностью принял сделанное мне предложение. К тому времени приехал в Петербург назначенный чрезвычайным послом в Персию А. П. Ермолов. Я с ним виделся во дворце; он узнал меня, приласкал и изъявил желание, чтобы я к нему ездил, что я исполнил, посетив его по утрам несколько раз» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 144].

Ермолов принял участие в судьбе молодого офицера и поддержал его намерение остаться на Кавказе после возвращения российского посольства из Персии. Более того, он выступил ходатаем Муравьева перед князем П. М. Волконским и практически выпросил разрешение последнего на длительную поездку Николая Николаевича в регион [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 144]. Это полностью совпадало с тогдашним умонастроением самого Муравьева: «Обстоятельства повелевали мне навсегда удалиться из отечества своего, и я смело дал слово Ермолову остаться после посольства с ним в Грузии, сколько ему времени угодно будет» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 4, с. 446].

Некий итог под этим периодом своей жизни он подвел в записках: «Я был оскорблен, огорчен, обижен, и мысли мои ни к чему более не стремились, как к тому, чтобы оставить отечество и расстаться с теми людьми, с теми предметами, коих присутствие ежечасно напоминало о понесенной мною утрате» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 2, с. 145]. Он написал своеобразное прощание в начале путешествия на Восток (перед посещением Персии и Кавказа): «При каждом шаге моего путешествия я расставался навсегда со всем, что видел. Связи, родство, священная артель наша, я вас оставил и более не увижу; я умер для вас всех, живу только горестными воспоминаниями. В 22 года от роду кончились и виды, и надежды мои, и я еду с ужасной мыслью никогда более не увидеть тех, к которым чувства благодарности и привязанности будут до конца моей жизни возноситься. Одно только изнуренное несчастьями сердце может некоторое время сие перенести» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 4, с. 445-446].

Итак, летом 1816 г. морально раздавленный Николай Муравьев попал в команду А. П. Ермолова, отправленного на Кавказ в ранге командующего Отдельного Грузинского корпуса и одновременно полномочного посла в Персию. В свите последнего Муравьев поехал сначала в Персию, а потом на Кавказ, где и начал взлет по карьерной лестнице.

Уместно напомнить, что именно адмирал Н. С. Мордвинов в числе приоритетных направлений предлагал обратить внимание на освоение Каспийского побережья и налаживание торговли с азиатскими ханствами — Хивой, Бухарой и туркменами. Это предложение было поддержано Ермоловым, который скорее базировался на нем, аргументируя необходимость организации экспедиции в этом направлении. В своих записках «проконсул Кавказа» позднее писал: «Основание торгового заведения на восточном берегу было мнением адмирала Николая Семёновича Мордвинова, предложенным им на рассмотрение Комитета министров, от коего и получил я оное при отъезде в 1816 году в Грузию, дабы при удобном случае собрал я нужные по сему предмету сведения и их представил» [*Записки А. П. Ермолова...*, 1991, с. 327]. В эту непростую миссию командующий Отдельным Грузинским корпусом и отправил капитана гвардейского Генерального Штаба Н. Н. Муравьева, который блистательно с ней справился. Ермолов в письме графу К. В. Нессельроде от 21 апреля 1820 г. подтвердил, что базировался как раз на мнении Мордвинова: «Торговля с Хивою, Бухарию и далее, как говорит Г. Адмирал Мордвинов, с северною частию Индии, есть беспрекословно главнейшая цель устройства заведения на восточном берегу Каспийского моря, и для того почитаю необходимым, в обеспечение привозимых нами товаров и хлеба, устроить в Красноводском заливе крепостцу с достаточном гарнизоном и артиллериею. Хищность Трухменского народа делает предосторожность сию нужною» [*Приложения к запискам А. П. Ермолова*, 1867, с. 122].

В октябре 1817 г., узнав о запланированной экспедиции к туркменам, Муравьев напросился в нее. Поездка предполагалась крайне опасной, и Ермолов не хотел рисковать людьми из своего окружения. Н. Н. Муравьев 30 октября 1817 г. специально пришел на прием к командующему и заявил о своем намерении ехать. Он в своих записках зафиксировал и разговор

с Ермоловым, и его позицию по этому вопросу: «30-го числа, отобедав у Войекова, я отправился к Алексею Петровичу. Бекович был дежурным. Я спрашивал у него, не знает ли он чего-нибудь на счет посольства, готовящегося в Трухмению. Бекович мне сказал, что он как-то раз разговаривал на сей счет с Алексеем Петровичем и что по словам его: *я бы желал послать туда человек двух-трех отчаянных*, можно было догадаться, что он никому не предложит сего путешествия, дабы, в случае несчастья (как деда Бековича, с которого Хивинцы во время Петра Великого кожу с живого сняли) не назвать себя причиною гибели посланного; но что он очень рад был, чтобы некоторые сами собою предложились» [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 5, с. 20]. Обида, нанесенная Мордвиновым, и глубокое разочарование в жизни подтолкнули Муравьева к намерению вызваться фактически добровольцем в столь опасное и рискованное путешествие. «В моих обстоятельствах потеря жизни моей не есть важная. С другой стороны, удача сколь лестна будет и полезна для отечества!» — такие строки находим мы в записках Муравьева [*Записки Н. Н. Муравьева*, 1886, вып. 5, с. 20].

Капитан Н. Н. Муравьев совершил длительную и непростую поездку в Хиву во второй половине 1819 г. Помимо налаживания дипломатических отношений с хивинским ханом и просто контактов с местной элитой, Муравьев обязывался составить столь важное описание Каспийского побережья и найти приемлемое место для постройки русского порта — укрепления на том берегу. Молодой капитан побывал в разных ситуациях, вплоть до месячного заточения в крепости, однако с бесспорным успехом смог вернуться обратно и в начале 1820 г. представить подробнейший отчет Ермолову. Отношения с ханом были установлены, а Красноводская бухта была выбрана под будущее место российского форпоста на той стороне Каспия. «Проконсул Кавказа» был крайне доволен результатами поездки своего протеже, о чем он и написал лестный отзыв графу К. В. Нессельроде (в письме он отчитывался как раз о проведенной экспедиции): «Капитан Муравьев 4 был в Хиве и вручил письмо мое обладающему стране Хану. С особливою похвалою должен я отозваться на счет решительности, с каковою предпринял он путь сей трудный и опасный, равно и твердости, оказанной им во время его там пребывания. Наклонные к подозрениям свойства Хана, похитившего власть убийствами и злодеяниями, подвергали его большой опасности, но он кончил тем, что от Хана есть у меня посланцы. Для нужных по многим предметам объяснений я отправляю самого гвардии Капитана Муравьева и прошу покорнейше Ваше Сиятельство доставить ему счастье быть представленным Государю Императору» [*Приложения к запискам А. П. Ермолова*, 1867, с. 121].

За успешное выполнение заданий Ермолова в Хивинской экспедиции Муравьев был произведен в подполковники, а уже в мае того же 1820 г. — в полковники. Ермолов именно его и командировал в Петербург для отчета, где он дважды имел личную аудиенцию у императора Александра I. Новоиспеченный полковник и в столице завершил свою миссию успешно, после чего незамедлительно вернулся на Кавказ для дальнейшей службы под командованием покровительствовавшего ему А. П. Ермолова. Поездка в Хиву и последующая книга «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах», вышедшая

в Москве в 1822 г.² принесла Муравьеву первую известность и послужила толчком в его кавказской карьере.

В 1821–1822 гг. неутомимый Муравьев во второй раз отправляется на другой берег Каспийского моря — в Туркмению. Надо было окончательно определиться с местом строительства новой крепости, да и закончить с детальным описанием восточного побережья. Новый успех по итогам второй экспедиции — и новый карьерный рост Муравьева: в 1822 г. он назначается командиром 7-го Карабинерского полка и плюс к этому — получает орден Св. Владимира 3-й ст. В личном письме (от 11 июля 1822 г.) командующий ОКК поздравил своего подчиненного с этим назначением: «Поверишь ли, любезный Муравьев, что уже есть в приказах, что ты командир 7-го карабинерского полка. Ты, по крайней мере, так скоро его не ожидал и, может быть, даже и не думал. Было время, что желали мы 41-го полка, а карабинерский лучше! Служи с удовольствием и счастливо!» [Ермолов, 2014, с. 285].

Н. Н. Мордвинова в 1825 г. вышла замуж за камергера А. Н. Львова, сына известного архитектора Н. А. Львова [Руммель, Голубцов, 1886, с. 578]. Об этом Муравьев был извещен письмом (от 7 июня 1825 г.) своего друга П. А. Муханова. Последний, в частности, писал: «Как разрушаются все проекты наши, какой бред нашего воображения все ночные беседы наши; с прискорбием уведомляю тебя, любезный друг, что дочь адмирала — замужем» [Из эпистолярного наследия декабристов..., т. 2, 2008, с. 36]³. Помимо информирования своего друга об этом событии, Муханов пытается даже успокоить его, понимая тщетность своей попытки (в конце письма есть такие строки): «Все другие проекты столь же неудачны — и мы снова будем изыскивать средства улучшить

² Тираж книги, изданной по подписке, составил 600 экз. [Из эпистолярного наследия декабристов..., т. 1, 1975. С. 186, 188].

³ П. А. Муханов приводит извлечение из письма Бакуниной с интересными деталями: «Предполагаю, что Вам сообщили о бракосочетании м-ль Мордвиновой с господином Львовым. Подробности этого события весьма интересны. Вот уже около 8 лет, как господин Львов был очарован семьей Мордвиновых и стремился под любым предлогом войти в нее, но тщетно. Барышня ему нравилась, но сдержанность ее, если не сказать холодность, не оставляли никаких надежд на успех. И вот этой зимой он решился войти в этот дом посредством сестры, которую он почитает более всех. Кто-то предупредил молодую особу о намерениях Львова, вследствие чего она присматривалась более внимательно. Он понравился ей с первого же взгляда, и уже при 10-й их встрече приняла его предложение руки и сердца. Произошло это у княгини Голицыной, урожденной Ахвердовой, которая и сама дарила сердце и руку г-ну Львову. Семейство пребывают в неописуемой радости. Невеста подходит по всем статьям. У г. Львова с этим семейством одинаковые вкусы и, несмотря на то что знакомы они всего 5 недель, вместе чувствуют себя великолепно, как будто прожили всю жизнь рядом. Вот уже десять дней как они помолвлены [...]. Невеста приезжала приглашать нас: она была в сопровождении своего брата, сияющая, прелестная, как цветок в майский день. Она незнаваемо изменилась с того момента, как решилась ее судьба. Необходимы были обстоятельства подобного рода, чтобы сердце ее, страждущее любви, раскрылось. И она доказывает это удивительной привязанностью к своему жениху. Эта новость паразит кузена Николая, бедный молодой человек; теперь он должен отказаться от своей мечты о счастье, но если бы он мог... Если бы он мог!» [Из эпистолярного наследия декабристов..., т. 2, 2008, с. 36–37].

и устроить наше намерение. Уверен, что тебе несколько прискорбно должно быть известие сие, но, по крайней мере, оно решительно. Прощай, будь здоров. Преданный тебе Петр Муханов» [Из эпистолярного наследия декабристов..., т. 2, 2008, с. 37].

Надо помнить, что, к 1825 г., когда пришло известие о замужестве дочери адмирала, Муравьев еще находился на Кавказе, достигнув к этому времени чина полковника и поста командира 7-го Карабинерского полка. А через два года он сам женился на дочери генерал-майора Ф. И. Ахвердова, бывшего правителя Грузии (в 1808–1811 гг.) — Софье. Показательно, что старшая сестра последней — Нина Фёдоровна Голицына (жена кн. Андрея Борисовича Голицына, урожд. Ахвердова) — в свое время познакомила Наталью Мордвинову со Львовым.

Так дважды адмирал Мордвинов, не желая того, подтолкнул Николая Муравьева к кардинальной смене деятельности и интересов, фактически дав старт его кавказской карьере (венцом которой стал пост наместника на Кавказе и командующего Отдельного Кавказского корпуса, реноме победителя турок и покорителя Карса, что, в свою очередь, дало ему известную всем приставку к фамилии — «Карский»).

Список литературы / References

1. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией*. Т. II. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. II. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1868 (in Russian)*].
2. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией*. Т. III. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1869 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. III. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1869 (in Russian)*].
3. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией*. Т. IV. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1870 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. IV. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1870 (in Russian)*].
4. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией*. Т. V. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1873 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. V. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika Kavkazskogo, 1873 (in Russian)*].
5. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией*. Т. VI. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1874–1875 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. VI. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1874–1875 (in Russian)*].

6. *Архив графов Мордвиновых*. Т. 5. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902 [*Archive of Counts Mordvinovs*. Vol. 5. St. Petersburg: Tipografiya of I. N. Skorokhodov, 1902 (in Russian)].
7. *Архив графов Мордвиновых*. Т. 6. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902 [*Archive of Counts Mordvinovs*. Vol. 6. St. Petersburg: Tipografiya of I. N. Skorokhodov, 1902 (in Russian)].
8. *Архив графов Мордвиновых*. Т. 7. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903 [*Archive of Counts Mordvinovs*. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiya of I. N. Skorokhodov, 1903 (in Russian)].
9. *Архив графов Мордвиновых*. Т. 9. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903 [*Archive of Counts Mordvinovs*. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya of I. N. Skorokhodov, 1903 (in Russian)].
10. *Архив графов Мордвиновых*. Т. 10. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903 [*Archive of Counts Mordvinovs*. Vol. 10. St. Petersburg: Tipografiya of I. N. Skorokhodov, 1903 (in Russian)].
11. Ермолов А. П. *Кавказские письма: 1815–1860*. СПб.: Журнал «Звезда», 2014 [Ermolov A. P. *Caucasian letters: 1815–1860*. St. Petersburg: Magazine “Zvezda”, 2014 (in Russian)].
12. *Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг.* Сост. и коммент. В. А. Фёдорова. М.: Высшая школа, 1991 [*Notes by A. P. Ermolov. 1798–1826*. Comp. and comment. V. A. Fyodorov. Moscow: Higher school, 1991 (in Russian)].
13. Записки Н. Н. Муравьёва. *Русский архив*. 1885. Вып. 9. С. 5–84; Вып. 10. С. 225–262; Вып. 11. С. 337–408; Вып. 12. С. 451–497 [Notes by N. N. Muravyov. *Russian archive*. 1885. Issue 9, pp. 5–84; Issue 10, pp. 225–262; Issue 11, pp. 337–408; Issue 12, pp. 451–497 (in Russian)].
14. Записки Н. Н. Муравьёва. *Русский архив*. 1886. Вып. 1. С. 7–54; Вып. 2. С. 69–146; Вып. 4. С. 445–524; Вып. 5. С. 5–32; Вып. 11. С. 289–340; Вып. 12. С. 433–476 [Notes by N. N. Muravyov. *Russian archive*. 1886. Issue 1, pp. 7–54; Issue 2, pp. 69–146; Issue 4, pp. 445–524; Issue 5, pp. 5–32; Issue 11, pp. 289–340; Issue 12, pp. 433–476 (in Russian)].
15. Записки Н. Н. Муравьёва. *Русский архив*. 1887. Вып. 9. С. 5–42; Вып. 10. С. 145–176; Вып. 11. С. 393–416 [Notes by N. N. Muravyov. *Russian archive*. 1887. Issue 9, pp. 5–42; Issue 10, pp. 145–176; Issue 11, pp. 393–416 (in Russian)].
16. Записки Н. Н. Муравьёва. *Русский архив*. 1888. Вып. 1. С. 71–92; Вып. 2. С. 235–258; Вып. 3. С. 393–432; Вып. 5. С. 97–122; Вып. 7. С. 313–352; Вып. 9. С. 5–48; Вып. 10. С. 193–224; Вып. 11. С. 385–433 [Notes by N. N. Muravyov. *Russian archive*. 1888. Issue 1, pp. 71–92; Issue 2, pp. 235–258; Issue 3, pp. 393–432; Issue 5, pp. 97–122; Issue 7, pp. 313–352; Issue 9, pp. 5–48; Issue 10, pp. 193–224; Issue 11, pp. 385–433 (in Russian)].
17. *Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому / Под ред. акад. М. В. Нечкиной; Вступ. статья и коммент. И. С. Калантырской; Пер. Е. Н. Советовой. М.: [б. и.], 1975* [*From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N. N. Muravyov-Karsky*. Ed. by acad.

- M. V. Nechkina; Introd. and comment. by I. S. Kalantyrskaya; Transl. by E. N. Sovetova. Moscow: [without publisher], 1975.
18. *Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому*. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2008 [*From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N. N. Muravyov-Karsky*. Vol. 2. St. Petersburg: Nestor-History, 2008].
 19. Иконников В. С. *Граф Н. С. Мордвинов*. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1873 [Ikonnikov V. S. *Count N. S. Mordvinov*. St. Petersburg: Tipografiya of A. Transhel, 1873].
 20. Лапин В. В. *Цицианов*. М.: Молодая гвардия, 2011 [Lapin V. V. *Tsitsianov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011].
 21. Муравьев Н. Н. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, Гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в эти страны для переговоров*. М.: Тип. Августа Семена, 1822 [Muravyov N. N. *Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, of the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations*. Moscow: Tipografiya of Augusta Semena, 1822].
 22. Руммель В. В. Голубцов В. В. *Родословный сборник русских дворянских фамилий*. Т. 1. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886 [Rummel V. V., Golubtsov V. V. *Genealogical collection of Russian noble families*. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing house A. S. Suvorin, 1886].
 23. Приложение к запискам Ермолова. Ч. II: 1816–1827 гг. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских*. Кн. 3. 1867. М.: Университетская типография, 1867 [Applications to Ermolov's notes. Part II. 1816–1827. *Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities*. Book 3. 1867. Moscow: University Tipografiya, 1867].
 24. Тимофеев Д. В. Мордвинов Николай Семенович. *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 21. М.: НИ БРЭ, 2012. С. 100–102 [Timofeev D. V. Mordvinov Nikolai Semenovich. *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 21. Moscow: NI BRE, 2012, pp. 100–102].

Информация об авторе

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена рецензентами 08.09.2023; принята к публикации 10.09.2023; опубликована 10.11.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Муханов В. М. Адмирал Н. С. Мордвинов и Кавказ
Ориенталистика. 2023;6(3-4):456-476

Information about the author

Vadim M. Mukhanov — Ph. D (Hist.), head of Sector for the Caucasus, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia; vadim_muhanov@inbox.ru. vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 10.09.2023; published 10.11.2023.

The author has read and approved the final manuscript.